IV. Политология

Андрей Казанцев

«Суверенная демократия»: Структура и социально-политические функции концепции.

Концепция "суверенной демократии" была впервые выдвинута заместителем руководителя администрации Президента РФ В. Сурковым в его выступлении перед активом «Единой России» (февраль 2006 г.).[1] Согласно разделу официального Интернет-сайта «Единой России», посвященному «суверенной демократии», свой вклад в формирование данной концепции внесли такие известные интеллектуалы, как Вячеслав Никонов, Глеб Павловский, Валерий Фадеев, Виталий Третьяков, Андраник Мигранян, Алексей Чадаев, Максим Соколов, Леонид Поляков, Виталий Иванов, Леонид Радзиховский.[2] Главным публичным манифестом новой доктрины стала статья В. Суркова «Национализация будущего» (ноябрь 2006 г.)[3].

В настоящее время теория «суверенной демократии» претендует на то, чтобы стать объединяющей национальной идеей. Какова внутренняя структура этого политического концепта и каковы его (уже реализовавшиеся и еще нереализованные, но потенциально возможные) функции в рамках политической системы?

При этом необходимо отдавать себе отчет в том, что логика рассматриваемой конструкции – это не только логика политико-философского концепта, но и логика рекламного слогана, который легко забыть в случае, если он не докажет свою эффективность.

---

[1] Сурков В. Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности (http://edinros.ru/news.html?id=111148).
[2] http://www.edinros.ru/news.html?id=114545
[3] Сурков В. Национализация будущего // Эксперт № 43 (537). 20 ноября 2006.

1. Концепт «суверенной демократии»: его возникновение и трансформации внутренней структуры.

Концепт «суверенной демократии» (sovereign democracy) активно использовался в политическом дискурсе времен «холодной войны». Он означал независимое (прежде всего, от СССР и коммунистического лагеря) демократическое государство, а также политический режим соответствующего типа. Очевидным образом, в этом словосочетании проявлялось идеологическое противопоставление «свободного» и «коммунистического» миров. По окончании «холодной войны» словосочетание почти перестало применяться. Концепт стал обозначать, прежде всего, демократизированные и получившие независимость от коммунистического мира (советской империи) государства. Хотя примеры его использования единичны. В этом плане данное словосочетание, например, использовал вице-президент США Р. Чейни в известной речи в Вильнюсе.

Особенно активно понятие «суверенная демократия» использовалось и используется на Тайване. Там оно означает: а) суверенитет Тайваня по отношению к коммунистическому материковому Китаю; б) основание этого суверенитета и противопоставления остальному Китаю (демократический характер правления или, скорее, принадлежность к «свободному миру»). Этот способ словоупотребления ближе к российскому аналогу, чем к западно- и восточноевропейскому.

В современных российских условиях концепт «суверенная демократия» очень серьезно трансформировался. В нем сохраняется аспект скрытого противопоставления (в данном случае, очевидно, Западу). При этом основанием противопоставления становится попытка перехватить у западных критиков современного российского режима идею демократии под достаточно распространенным в странах «Третьего мира» дополнительным атрибутом «суверенная» (имеющим также оттенки значения «национальная», «местная», «традиционная»). Структурно это напоминает существовавший в советское время способ дискуссии с «капиталистической демократией» под лозунгами «социалистической», «народной», «общенародной» демократии.

Существенным представляется и сближающий российский случай с тайваньским «третьемирный» аспект применения термина «суверенная демократия», что также противопоставляет его западной традиции. Выдвижение различных атрибутов «локальной» демократии, противопоставляющих ее западно-либеральной, во второй половине XX в. часто выступало в качестве способа идеологического противопоставления стран «Третьего мира» Западу («народные демократии» в развивающихся странах социалистической ориентации, «управляемая демократия» в Индонезии, «исламская демократия» в Иране и т.д.).

Распространенность подобного понимания демократии в незападных и недостаточно модернизированных политических культурах связано с тем, что оно отсылает к чрезвычайно архаичным моделям «общинности», характерных для всех

стран Востока и для самой Европы в тех местах и в те времена, где и когда проект модерна не был достаточно реализован.[4]

Другой важной функцией «суверенной демократии», в не меньшей степени отсылающей к автократической, но экономически чрезвычайно эффективной власти Гоминьдана на Тайване, становится в российских условиях содержащаяся в этой концепции модель нелиберальной (авторитарной, с опорой на традиционные институты) модернизации.

Этот дополнительный смысл активизируется за счет скрытых смыслов атрибута «суверенная» в российской и европейской политико-юридических культурах. Последний исходно отсылает к «суверену», монарху. В этом плане концепт приобретает смысл «монаршьей демократии» (или «народной монархии», известной концепции И. Солоневича[5]). Очевидно, этот смысловой аспект отсылает к отождествлению президентской власти в суперпрезидентской республике с властью абсолютного монарха, преемственной по отношению к Генеральным секретарям КПСС и русским императорам-царям.

Специфический характер этой «демократическо»-монархической традиции в России отмечался, в частности, в работе В.О. Ключевского «Курс русской истории». Анализируя сущность института Соборов, историк отмечал, что последние представляли собой не демократический институт (представительства сословий, вотирующих налоги) в смысле европейских парламентов, а просто совещание правительства с его агентами (в силу полного отождествления государства и общества).[6]

Особенности «соборной» демократии, связанные с имплицитно содержащейся в ней картиной мира, были проанализированы на примере Съездов народных депутатов СССР и России В.М. Сергеевым и Н.И. Бирюковым.[7] Последние, в частности, отмечали консенсусный и коллективный характер принятия решений в рамках формально сходных с западными институтов. «Соборная» культура осуждает партийность и фракционность. Она направлена на демонстрацию вовне единства путем единодушного одобрения выработанного «за кулисами» межэлитного соглашения. Она также, по сути, не терпит процедурных (в том числе, формально-юридических ограничений).

Концепт «суверена»-государя в Западной Европе постепенно трансформировался в «суверенное государство», где верховная власть оказалась как бы «растворившейся» в коллективном теле граждан страны (гоббсовском «Левиафане»[8]

[4] Васильев Л.С. История Востока. М., 1994.
[5] Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 1991.
[6] Ключевский В.О. Курс русской истории // Сочинения в 9 т. Т. 2. М., 1988. Лекция 50. С. 328 – 347.
[7] Бирюков Н. И., Сергеев В. М. Становление институтов представительной власти в современной России. М., 2004.
[8] Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1991.

или спинозистском «множестве»[9]). При этом процедура выработки решений для этого тела в либеральной традиции была строго ограничена формальными институтами. В противоположность этому, в радикально-революционной (идущей от Ж.-Ж. Руссо[10]), консервативной (берущей начало, скорее, от Т. Карлайля[11], чем от Э. Берка[12]) и националистической (связанной, прежде всего, с И.Г. Гердером[13] и И.Г. Фихте[14]) интерпретации коллективное тело национального государства оказывалось не связанным формальными законами. Напротив, оно должно было действовать по неким внутренним «законам природы» или «законам развития», отражающим его «сущность» (наподобие биологического организма). Эту модель можно назвать «коллективной» или «тоталитарной» демократией.

Подобная трактовка демократии получила в первой половине XX в. свое наивысшее воплощение в коммунистических и фашистских режимах. Более умеренное (связанное с необходимостью ограничения либеральной демократии в условиях социально-экономически, культурно и политически неготовых к ней стран) понимание нелиберальной демократии продемонстрировали «санационные», корпоративистские и «полуфашистские» режимы Восточной Европы и Иберийского полуострова в период между I и II Мировыми войнами. Именно такая «умеренно» антилиберальная и модернизационно ориентированная трактовка нелиберальной демократии проявляется, на наш взгляд, в концепции «суверенной демократии» В. Суркова.

2. «Суверенная демократия» и внутренняя политика России

В предыдущем разделе мы кратко очертили интеллектуальную предысторию и институциональные воплощения модели коллективной демократии. В двух нижеследующих разделах мы попробуем очертить смысловое «ядро» идеи «суверенной демократии», суть ее представлений о России и мире. Очевидно, это ядро заключается во взаимодействии двух понятий: «демократия» и «национальный суверенитет». Мы полагаем, что концепция «суверенная демократия» получается путем прямого соединения двух антилиберальных моделей: коллективной модели демократии во внутриполитической жизни и «реалистической» модели международной политики.

---

[9] Спиноза Б. Богословско-политический трактат. М., 1935.
[10] Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998.
[11] Карлайль Т. Теперь и прежде. М., 1994.
[12] Эдмунд Берк. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993.
[13] Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества М.: Наука,: 1977.
[14] Фихте И.Г. Замкнутое торговое государство. М., 1923; Fichte J. G. Reden an die deutsche Nation, in: Philosophische Bibliothek, Bd. 204, 5. Aufl., Hamburg, 1978.

Нижеследующий анализ будет также направлен на выявление внутренних противоречий в структуре концепции «суверенная демократия». Этот анализ чрезвычайно важен с точки зрения возможных потенций реализации данной модели на практике.

Как мы уже отмечали, концепцией «суверенной демократии» вводится представление о демократии как не индивидуально, а коллективно ориентированной. Так, в самом начале статьи автора идеи В. Суркова «Национализация будущего» демократия отождествляется с «высшей независимой (суверенной) властью народа».[15] Т.е. субъектом демократического государства выступает внутренне органически единый народ, или, несколько ниже по тексту, «российская нация», которые превышают простую совокупность граждан.

Основным структурным недостатком модели «коллективной демократии» является то, что совершенно непонятно, каким образом выяснить «волю нации». Даже непрерывное голосование по всем вопросам на манер Швейцарии тут не поможет. Еще один из деятелей Великой Французской революции и оппонент Руссо Кондорсе сформулировал знаменитый парадокс, одним из частных выводов которого становится следующее положение: плебисциты и голосования выигрывает, чаще всего, тот, кто может манипулировать повесткой дня.[16]

На практике выразителями воли нации или народа обычно объявляют себя практически любые власти. Собственно говоря, наиболее последовательно принципы Руссо в жизнь реализовали якобинцы с их «красным террором», а затем их наследники – европейские крайне левые, вплоть до русских коммунистов. Таким образом, традиция тоталитарной демократии была инкорпорирована и в жизнь советского государства.[17]

Коллективная модель демократии радикально противоположна «либеральной» модели демократии. При последней реальным субъектом власти становится совокупность граждан с их обыденными, повседневными интересами. А сама демократия – всего лишь механизм, при помощи которого граждане (в реальности, в лице своих представителей) ведут между собой переговоры и согласуют эти интересы. Представительство это часто номинально, что неоднократно отмечали все критики либеральной демократии. А административная власть часто получа-

---

[15] Сурков В. Национализация будущего // Эксперт № 43 (537). 20 ноября 2006.

[16] Парадокс Кондорсе заключается в принятии таких коллективных решений, которые на индивидуальном уровне не поддерживало большинство голосовавших (возможны даже варианты, когда ни один не поддерживал это решение на индивидуальном уровне). Позднее этот парадокс был обоснован в виде теоремы Эрроу (Arrow K. Social Choice and Individual Values, N.Y., 1951, русский перевод – Эрроу К. Коллективный выбор и индивидуальные ценности. М., 2004). Он состоит в том, что правило простого большинства не в состоянии обеспечить бинарного отношения общественного предпочтения среди выбираемых вариантов. В силу нетранзитивности результат может зависеть от порядка голосования, что даёт возможность манипуляции выбором большинства.

[17] Бирюков Н. И., Сергеев В. М. Становление институтов представительной власти в современной России. М., 2004.

ет достаточно большую свободу рук, хотя и вынуждена, до определенной степени, совершать только одобряемые представителями общества действия. Поэтому на практике основным достоинством либеральной демократии оказывается отрицательный принцип: она не позволяет властям слишком сильно вмешиваться в жизнь народа. Она, тем самым, очень сильно затрудняет различные злоупотребления администрации и полностью исключает разные эксцессы, связанные с насилием над большими группами людей. Правда, и возможность для властей исправить негативные, зачастую просто вопиющие процессы в обществе тоже уменьшается. На этом и была исторически основана поддержка коллективной модели демократии крайне левыми, а затем и крайне правыми силами в Европе XIX - XX вв.

Коллективная демократия позволяет все, в чем ограничивает либеральная демократия. Власти не только оказываются свободны от контроля общественности (они ведь реализуют мистическую «волю народа», а не интересы конкретного Васи Иванова или сколь угодно большой группы этих Вась). Более того, администрация получает возможность вмешиваться в повседневную жизнь людей под флагом «соблюдения воли народа», которую она же и имеет возможность формировать при помощи различных манипуляций.

В текстах идеологов «суверенной демократии» и, прежде всего, самого В. Суркова наблюдается постоянная игра различными моделями демократии. Исходной точкой рассуждений всегда оказывается «коллективная» демократия. Однако затем она постоянно оправдывается либо через прямое отождествление с «либеральной» демократией, либо как начальная точка процесса, ведущая к торжеству «либеральной демократии».[18]

Например, в статье «Национализация будущего» «самодержавие народа» (коллективная модель демократии) полностью приравнивается к «правлению свободных людей» (либеральная модель демократии).[19] При этом берутся положительные стороны реализации обеих моделей (свободная самоорганизация и самодеятельность народа, его контроль над властью от либеральной модели демократии, а управляемость общества государством и единство в реализации национальных задач – от коллективной), а отрицательные забываются. Но где гарантии, что эффектное соединение двух смыслов в концепции приведет на практике к сложению положительных сторон двух моделей демократии, а не отрицательных? Тут все будет зависеть от степени коррумпированности госаппарата и «качества управления», а ни то, ни другое в сегодняшней России оптимизма не внушает.

В рамках коллективной модели демократии общество, народ, нация обычно мыслится *органически*, как аналог пчелиного улья: есть полезные пчелы, есть их

[18] См, например: Сурков В. Национализация будущего // Эксперт № 43 (537). 20 ноября 2006.
[19] Сурков В. Национализация будущего // Эксперт № 43 (537). 20 ноября 2006.

матка, а есть бесполезные трутни и даже чужеродные, хотя и внешне похожие на пчел, осы, вредящие улью и ворующие мед. Так и «суверенная демократия» различает играющий функциональную роль народ России и разных дисфункциональных «отщепенцев». К последним относятся «националисты» и «экстремисты», как правые, так и левые. При последовательной реализации такого понимания демократии теряется ее главная функция: наличие множества центров политической силы, признающих право друг друга на существование и готовых договариваться.[20]

В рамках коллективной модели демократии очень сложно определить, кто, действительно, выражает коллективную волю народа России, а кто нет. На практике сторонник любой органической модели народа-нации имеет полное право заявить, что именно он и является выразителем глубинных интересов народа. Правда, сам народ может эти интересы еще недостаточно осознавать…

В рамках концепции «суверенной демократии» единым центром, выражающим мнение народа как организма, оказывается Кремль, президентская власть. В «отщепенцы» попадают все, кто придерживается отличных представлений об интересах этого народа (не только либералы – противники «органической» модели, но и носители других моделей «органичности» - не согласные с политикой Кремля русские националисты и левые).

Органическое целое понимается сторонниками концепции «суверенной демократии» по модели государственного национализма (нация России = «россияне», русскоподанные) с примесью культурного национализма (нация России = носители русской культуры) и этнического национализма (нация России = русские). На практике нужно сделать выбор в пользу одной из трех моделей нации. Ведь из разных определений нации следуют совершенно разные и трудно совместимые национальные политики, чего авторы концепции стараются избежать. Скажем, государственный национализм требует, чтобы все жители России считались одной нацией (как все жители Франции – французы, вне зависимости от их этнической принадлежности). Культурный национализм требует считать единой нацией всех русскоязычных за пределами России. Этнический национализм делит страну по принципу процента «крови».

3. «Суверенная демократия» и современный мир

Концепцией «суверенной демократии» вводится представление о международной жизни как, прежде всего, жизни атомарных национальных государств. «Правильным», справедливым состоянием является сохранение этой атомарности и независимости. «Неправильным», несправедливым - ее потеря. В целом, такую

[20] Dahl R. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven, CT: Yale University Press, 1971.

модель можно назвать «консервативной» (или «реалистической»).[21] Ее принцип – государства должны максимально оберегать себя от чужих влияний, максимально изолировать себя от других государств.

Однако это представление о национальном суверенитете отнюдь не является доминирующим в современном мире. В неолиберальной традиции «суверенитет» обычно понимают как взаимозависимость государств[22] (к этой же трактовке подошел, до некоторой степени, через идею «баланса сил», и новый этап развития реализма в лице неореализма[23]). С этой точки зрения «суверенность» - это право и возможность государства вступать во взаимодействие с другими государствами и, по мере этого взаимодействия, оказываться в состоянии взаимозависимости. Государства суверенны в той степени, в какой они зависимы друг от друга. Это можно назвать «либеральной» моделью суверенитета. Ее принцип - все государства, страны и народы мира зависят друг от друга, все образуют одну систему.

На практике сторонники модели «суверенной демократии» постоянно смешивают два понимания «суверенитета». С одной стороны, в политической жизни они считают необходимым оберегать решения российской нации от влияния других наций. С другой стороны, в экономической жизни они выступают сторонниками глобализации. В частности, В. Сурков понимает «суверенную» демократию как способ эффективного встраивания в процесс глобализации, где Россия, как государство, будет «субъектом, а не объектом глобализации».[24] Однако изолировать экономическую и политическую жизнь друг от друга нельзя. Если российский народ в ходе глобализации вступает с другими народами в отношения взаимозависимости в экономике, то это неизбежно скажется и в политике.

На практике любая глобализация ведет к очень существенному ослаблению суверенитета государств, так как они утрачивают значительную часть контроля над экономической жизнью. Национальная экономика перестает существовать, ее заменяет неконтролируемая национальными государствами глобальная экономика. А политическая жизнь глобализирующихся государств неизбежно начинает в существенной мере определяться, в том числе, и глобальными экономическими субъектами (от различных международных организаций до транснациональных корпораций). Совместить суверенитет как «независимость» с суверенитетом как «взаимозависимостью» (особенно, в ее высшем проявлении – глобализации) оказывается в реальности очень сложно.

---

[21] Morgenthau H. and Thompson K. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York NY: Alfred A. Knopf., 1948.
[22] Keohane Robert O. Sovereignty in International Society / Held, D. and McGrew, A. (eds) The Global Transformations Reader: An introduction to the Globalization Debate Polity Press, 2000.
[23] Waltz K. N. Theory of International Politics, N.Y.: McGraw-Hill, 1979.
[24] Сурков В. Национализация будущего // Эксперт № 43 (537). 20 ноября 2006.

Концепция «суверенной демократии» также предполагает, что степень влияния государств на международной арене автоматически увеличивает свободу и благосостояния их народов. Однако в «Национализации будущего» того же Суркова отмечается, что исторически рост влияния России на международной арене как раз реализовывался за счет усиления нажима государства на общество и насильственного выкачивания из него ресурсов. Далее отмечается, что задачу совмещения благоденствия народа и силы государства *еще предстоит решить.*[25]

Проблема контроля над российскими природными ресурсами – важнейшая часть международно-экономической тематики, затрагиваемой в рамках концепции «суверенной демократии». В «Национализации будущего» отмечается: «Встречается мнение, будто десуверенизация нашего государства никому не интересна (или нереальна). Но повсеместная и повседневная нужда в сырье и безопасности столь огромна, а здешние запасы ядерного оружия, нефти, газа, леса, воды так обильны, что излишнее благодушие едва ли уместно… Центр прибыли от международных проектов использования российских ресурсов должен закрепиться в России.»[26]

На практике в качестве механизма реализации этой идеи предлагается сочетание сохраняющегося олигархического капитализма (причем предпочтительны именно местные, российские хозяева сырья) с сильным государственным контролем. На практике ни то ни другое само по себе не сможет обеспечить получение народом благ от эксплуатируемых природных ресурсов.

Особенности «бандитского» капитализма («силового предпринимательства»[27]), сложившегося в России в 1990-е гг., и специфический характер взаимодействия его с государственными чиновниками всем прекрасно известны. Собственно говоря, наши олигархи «разграбляют» природные ресурсы страны (т.е. вывозят или тратят на престижное потребление капиталы, не инвестируя их) не иначе, чем это сделали бы, например, западные транснациональные корпорации.

К сожалению, исторически государственное управление экономикой в нашей стране хотя и несколько эффективнее, чем «бандитский» капитализм 1990-х гг., но, в плане повышения благосостояния населения за счет использования природных ресурсов, также далеко от мировых эталонов. Прежде всего, оно характеризовалось «высокомерием» государства, которое постоянно решало различные «большие задачи», предлагая конкретным людям потерпеть до «лучшего будущего». Иногда эти большие задачи, хотя и в идеологически искаженном виде, отражали реальные потребности общества (скажем, во внешней обороне или в индустриализации). В других случаях с точки зрения интересов россиян они были во-

[25] Сурков В. Национализация будущего // Эксперт № 43 (537). 20 ноября 2006.
[26] Сурков В. Национализация будущего // Эксперт № 43 (537). 20 ноября 2006.
[27] Sergeyev V. M. The Wild East: Crime and Lawlessness in Post-Communist Russia. N.Y.: Armonk, 1998; Волков В.В. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. Москва, 2005.

обще бессмысленны: огромные траты на Коминтерн и мировую революцию в 1920 – 30-е гг., затраты на ведение политики в странах «третьего мира» в 1950 – 1980-е гг., и т.д.

Советская экономика практически всегда обладала преимущественно сырьевой внешнеторговой специализацией (в 20-30-е гг. вывозились зерно, лес, меха, золото; с 60-х гг. все больше – энергетические ресурсы). Однако, большей частью, доходы от использования богатейших природных ресурсов тратились государством отнюдь не на повышение уровня жизни населения.

Возникает логичный вопрос: а не захочет ли государство и теперь тратить доходы от торговли сырьем, скажем, преимущественно, на «усиление суверенности», т.е. увеличение своего влияния в мире?

Сторонники концепции «суверенной демократии» предполагают автоматическое перемножение плюсов российского частного капитализма и российского государства, которые вместе должны обеспечить эффективное вписывание России в систему мирохозяйственных связей. Однако возникает сомнение: а не перемножатся ли и минусы? Не наложится ли традиционное государственное «высокомерие» по отношению к народу на коррупцию и «бандитский» капитализм «новой» России?

4. «Суверенная демократия» и политическая реальность.

Так как концепция «суверенной демократии» внутренне весьма противоречива, возникает вопрос: каковы могут быть результаты ее реализации, если она вообще может быть реализована. Здесь можно выдвинуть 3 сценария.

А. Концепция во благо

По своей политической культуре и традициям Россия – не либеральная страна. Поэтому модель либеральной демократии не может здесь быстро привиться и начать приносить положительные результаты. Модели коллективной демократии для россиян намного привычнее.[28] В этом плане использование уже укоренившихся идей коллективной демократии для модернизации страны выглядит достаточно привлекательно. Это может позволить постепенно укоренить демократические традиции, сочетая непривычную либеральную демократию с привычной коллективной и контролируемой «сверху».

Россия имеет давние традиции «сильного» государства, выступающего реформатором по отношению к «слабому» и зависимому от него обществу. Даже традиционная западническая мысль XIX в. воспринимала сильное (в том числе, и на

[28] Бирюков Н. И., Сергеев В. М. Становление институтов представительной власти в современной России. М., 2004.

внешней арене) государство как главное условие эффективной социально-экономической модернизации страны.[29] Национальные чувства русского народа также исторически служили делу обновления страны (стоит только вспомнить о великих реформах 1860-х гг. как реакции на поражение России в Крымской войне).[30]

Концепция «суверенной демократии» в этом плане представляет собой попытку опереться на нелиберальные модернизационные традиции в России в ситуации, когда провалилась попытка либеральной модернизации страны в 1990-е гг.

Б. Концепция во зло

В реализации концепции «суверенной демократии» заключены существенные угрозы, которые неоднократно отмечали ее критики:

- монополизация политической власти и возможность дальнейшего ослабления оппозиции с использованием административных рычагов в условиях, когда этот монополист не способен эффективно модернизировать страну;
- усиление противостояния с Западом, ведущее к увеличению военных расходов и затрат на различные «престижные» внешнеполитические проекты при сохранении России в разряде периферийных для мировой экономической системы сырьевых экономик;
- усиление «связки» между коррумпированной бюрократией и «бандитским» капитализмом.

Все три элемента могут вступить между собой во взаимно усиливающую связь. Коррумпированная политико-экономическая элита заинтересована в отсутствии реальной оппозиции. В то же время, она может использовать для подавления этой оппозиции различные идеи восстановления национального величия. Эти идеи могут вдохновить население на еще большее «подтягивание поясов», и, соответственно, закрепить беспрецедентное в современном мире социальное расслоение.

В. Концепция-«пшик»

Для того, чтобы концепция «суверенной демократии» могла быть реализована, она, как минимум, должна получить поддержку руководства страны, российской политической элиты и населения.

Идея «суверенной демократии» активно лоббировалась заместителем руководителя администрации президента России В. Сурковым. Тезис о «суверенной де-

[29] См., например, апологию государства и Петра I как преобразователя в Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.7: История России с древнейших времен.Т.13–18. М., 1997 – 1998. Рельефное выражение эта западническо-государственническая концепция получила в работе: Эйдельман Н.Я. 'Революция сверху' в России. — М., 1989.

[30] Секиринский С.С., Филиппова Т.А. Родословная российской свободы. М., 1993.

мократии», хотя и не без серьезной борьбы, был включен в официальное программное заявление «Единой России»: «Россия, которую мы выбираем».[31]

Однако в руководстве страны высказывались и серьезные возражения. В июле 2006 г. первый вице-премьер Д. Медведев, заявил в интервью журналу "Эксперт", что «суверенная демократия – далеко не идеальный термин».[32] Далее он отметил: «Гораздо более правильно говорить о подлинной демократии или просто о демократии при наличии всеобъемлющего государственного суверенитета. Если же к слову «демократия» приставляются какие-то определения, это создает странный привкус. Это наводит на мысль, что все-таки речь идет о какой-то иной, нетрадиционной демократии. И сразу же задается определенный угол зрения. Особенно в комментариях некоторых наших партнеров. Демократия и государственный суверенитет должны быть вместе. Но одно не должно подавлять другое».[33] Правда, позднее Медведев отметил, что разногласия с Суроквым не являются принципиальными.

Сомнения Медведева были поддержаны рядом видных представителей «Единой России», в частности, Олегом Морозовым.

9 сентября 2006 г. В. Путин, в ходе встречи с участниками дискуссионного клуба «Валдай» **(**зарубежными политологами, политическими экспертами и журналистами) в резиденции "Ново-Огарево", в целом, высказал довольно двусмысленную позицию по поводу концепции «суверенная демократия», по крайней мере, не поддержав ее однозначно.

Он, в частности, заявил: «Не думаю, что я смогу здесь сделать развернутый анализ. Но, конечно, суверенитет и демократия – это понятия, которые оценивают два разных явления. Суверенитет – это позиционирование страны вовне, в мире, это возможность осуществлять свою внутреннюю и внешнюю политику самостоятельно, без вмешательства извне. Демократия – это способ организации общества и государства. Это целиком направлено вовнутрь страны. Поэтому это разные вещи: суверенитет и демократия. Вместе с тем в современном глобальном мире, в глобализирующемся мире, где границы все больше и больше стираются, мы со всей очевидностью видим и наблюдаем, что теми странами, которые продвинулись, скажем, в решении своих экономических проблем, теми странами, которые имеют фактическую монополию на мировые средства массовой информации, а масс-медиа крайне важны в современном мире вообще, в политике, в экономике – где угодно, с учетом прозрачности национальных границ, к сожалению, все эти современные средства глобализации используются часто в национальных интересах для того, чтобы обеспечить себе конкурентные преимущества в мировой экономике и в мировой политике… То есть чисто теоретически это,

[31] Россия, которую мы выбираем. Программное заявление партии "Единая Россия". 02.10.2006.
[32] Медведев Д. Для процветания всех надо учитывать интересы каждого // Эксперт. № 28 (522) / 24 июля 2006 г.
[33] Там же.

конечно, разные понятия, понятия из разных сфер, но современный глобальный мир, на мой взгляд, такую площадку для дискуссии на эту тему все-таки создает. Я в эту дискуссию не вмешиваюсь, я не считаю, что она вредная. И если люди поспорят на эту тему, и в ходе этих споров и дискуссий будут появляться какие-то идеи, которые можно было бы использовать в практическом плане внутри страны и в нашей внешней политике, хуже не будет.»[34]

Колебался по поводу термина «суверенная демократия» председатель Совета Федерации и лидер «Справедливой России» С. Миронов. В частности, он заявил: «Есть понятие суверенитета. Есть понятие демократии. В чем-то это словосочетание - "суверенная демократия" - представляется мне искусственным, и уж тем более кажется искусственной идеология, которая за ним выстроена и в которую мало кто верит. Я этот термин понимаю как попытку показать, что Россия прежде всего суверенное государство, и не надо учить нас по чужим лекалам чужой демократии. Попытка Суркова размышлять в этом направлении - правильная. И в этой связи очень хорошо, что развернулась дискуссия.»[35]

«Суверенная демократия» встретила серьезную критику со стороны различных политических сил, как правых, так и левых. Они видят в этой концепции попытку установления политического монополизма со стороны одной из властных групп.

Особенно острой была, естественно, критика со стороны право-либеральных политических партий, для которых эта концепция неприемлема ни по форме, ни по сути. Григорий Явлинский в интервью «Радио Свобода» заявил: «Это хорошо известный термин. Когда-то его придумал Михаил Андреевич Суслов. Только звучал он иначе. Он звучал, как «реальный социализм». Когда систему, которая существовала в Советском Союзе, критиковали компартии Италии, Франции за то, что она ничего общего не имеет с социалистическими или коммунистическими идеалами, тогда в КПСС в идеологическом отделе был придуман термин «реальный социализм». Смысл его был в том, что вот социализм такой, как у нас, это – реальный социализм, а все остальное - пустые разговоры. Не думаю, что нужно было особо напрягаться для того, чтобы придумать что-либо подобное вновь. «Суверенная демократия» - это та же самая логика и та же самая философия вопроса. У нас своя демократия. Вот она такая и больше никакая. На самом деле, это такая потемкинская деревня, за которой принципиальные стороны демократии или фундаментальные ее основы просто отсутствуют.»[36]

---

[34] Президент России. Официальный сайт. Стенографический отчет о встрече с участниками третьего заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». 9 сентября 2006 года, Ново-Огарево (http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/09/111114.shtml)

[35] Сергей Миронов: "Нам лейбл партии власти не нужен"("Русский Newsweek" (Москва).-01.2007.-№1-2.-с.22-24).

[36] Григорий Явлинский: Запад готов закрыть глаза на происходящее в России. Сообщение Радио Свобода от 16.07.06.

Лидер СПС Никита Белых отметил: «Спешно конструируется и идеология для партии власти. Однако, поскольку она призвана обеспечить монополизацию «Единой Россией» максимально возможной части политического пространства справа налево, эта «идеология», получившая название «суверенная демократия», неизбежно получается внутренне противоречивой… Идеология «суверенной демократии» – порождение комплекса неполноценности страны.»[37]

Критика со стороны левой оппозиции была несколько более осторожной. Г. Зюганов, несмотря даже на очевидную личную неприязнь к автору идеи, не выступал со столь резкой критикой концепции Суркова, как это делали правые. По сути, многие из положений концепции для левых приемлемы. Однако им не нравится, что победа идеи «суверенной демократии» может привести к усилению «буржуазных» центристских партий.[38] Не приемлемы для них и уступки либеральной демократии и капиталистической глобализации, содержащиеся в текстах идеолога В. Суркова.[39]

Многие представители Русской православной церкви тут же поспешили поддержать концепцию В. Суркова. Примером может служить статья «Имплицитная религиозность В. Суркова» редактора газеты «Церковный вестник» С. Чапнина.[40] Однако эту поддержку, в целом, нельзя признать однозначной, так как между «имплицитно» религиозной концепцией «суверенной демократии» и политико-религиозной идеологией современной РПЦ[41] нельзя поставить знак равенства.

Интеллектуальная элита в оценке идеи «суверенной демократии», в целом, раскололась в соответствии с исповедуемыми политическими ценностями: «либералы»[42] - «патриоты»[43]. При этом наблюдаются некоторые отдельные вариации, связанные: 1) со степенью близости отдельных экспертов к «кремлевской кормушке» – чем ближе, тем больше поддерживали (Г. Павловский, В. Никонов, С. Марков); 2) со степенью оппозиционности нынешнему режиму (реальные оппозиционеры левого и консервативно-националистического толка не верят, что нынешний режим способен реально противостоять Западу).

Тем интереснее на этом фоне выглядят отдельные попытки ценностно неангажированного анализа. В качестве примера можно привести статью известного

---

[37] Белых Н. «Правая» стратегия – это стратегия альтернативы. Альтернативы не просто Кремлю и партии власти, а «левому повороту» в России (http://pitersps.ru/libmission_011.php).
[38] Лившиц Р. Грезы наяву // Советская Россия. N 3-4 (12927), вторник, 16 января 2007 г.
[39] Лигачев Е.К. Суверенная демократия: маскировка буржуазной демократии в России // Советская Россия. N 114 (12887), суббота, 30 сентября 2006 г.
[40] Чапнин С. Имплицитная религиозность В. Суркова http://www.nazlobu.ru/publications/article1479.htm).
[41] Основы социальной концепции РПЦ – см. официальный сайт Московской патриархии (http://www.mospat.ru/index.php?mid=90)
[42] Шевцова Л. Тотальная логика гибридной системы (http://www.democracy.ru/article.php?id=1341).
[43] Проханов А. «СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ» — ОБОРОННАЯ ДОКТРИНА РОССИИ // Завтра. №04 (688) от 24 января 2007 г.

политолога и политического философа Т. А. Алексеевой.[44] В частности, она приходит к выводу о том, что существует достаточно большое разнообразие моделей демократии (которые можно выразить, в том числе, разными эпитетами). В то же время, имеют место минимальные требования демократической легитимации. «Поэтому разные интерпретации демократии не вполне равноценны, некоторые из них ближе к «сердцевине», другие – дальше от нее. Это допускает споры о процедурах и делает их необходимыми.»[45]

В целом, российские элитные группы оказались серьезно расколотыми по поводу рассматриваемой концепции. Что касается населения, то для него эта идея слишком сложна и не связана с повседневной жизнью, чтобы вызвать какую-то однозначную поддержку или, напротив, неприятие. В связи с этими обстоятельствами очень высока вероятность, что она будет вскоре забыта. В силу дискредитации модели либеральной модернизации в 1990-е гг. можно предположить, что идея «суверенной демократии» будет, скорее всего, отодвинута в сторону в пользу какого-либо другого проекта нелиберальной модернизации.

5. Основные выводы.

«Суверенная демократия» отсылает к российским традициям внеинституциональной, коллективной (тоталитарной) и «монархической» демократии, т.е. к достаточно архаическим, домодерновым слоям политической культуры. В этом плане она содержательно и функционально напоминает: 1) альтернативные модели политической модернизации в стиле «нелиберальной демократии» в странах «Третьего мира»; 2) европейские модели «коллективной демократии» первой половины 20 в.: в большей степени – корпоративистко-санационные (Восточная Европа, Иберийский полуостров), в меньшей степени – итальянский фашизм, в еще меньшей степени и лишь в ряде аспектов - немецкий национал-социализм.

«Суверенная демократия» получается путем прямого соединения двух антилиберальных моделей: коллективной модели демократии во внутриполитической жизни и «реалистической» модели международной политики.

В текстах идеологов «суверенной демократии» и, прежде всего, самого В. Суркова наблюдается постоянная игра различными моделями демократии. Исходной точкой рассуждений всегда оказывается «коллективная» демократия. Однако затем она постоянно «оправдывается» через прямое отождествление с «либеральной» демократией, либо через телеологические схемы (современная коллективная демократия нужна для будущего торжества либеральной).

---

[44] Алексеева Т.А. Многообразие, а не демагогия: как определиться с критериями // НГ-сценарии. 30.01. 2007.
[45] Там же.

«Суверенная демократия» представляет собой модель модернизации России, опирающуюся на антилиберальные модернизационные традиции. Проект является привлекательным в условиях крушения либерально-модернизационной политики 1990-х гг. Это является основным позитивным содержанием концепции.

В то же время, теория «суверенной демократии» содержит очень серьезные противоречия во взглядах на внутреннюю и внешнюю политику, которые делают ее трудно реализуемой (сочетание элементов коллективной и либеральной модели демократии, «реалистического» и «либерального» понимания международной жизни; неясность с определением «российской нации»; противоречивое отношение к глобализации; неопределенность со степенью государственного контроля над экономикой и т.д.).

Российская политическая элита оказалась серьезно расколотой по поводу этой концепции, массами она также не овладела. В связи с этим высока вероятность, что она будет вскоре забыта в пользу какого-либо другого проекта нелиберальной модернизации.